

ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИМИТАЦИИ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ УКРАИНЫ

Л. ТИМЧЕНКО

*доктор юридических наук,
профессор кафедры международного
права (Национальный университет
Государственной налоговой службы
Украины)*

В. КОНОНЕНКО

*кандидат юридических наук, доцент
(Киевский славистический университет), адвокат*

Делимитация морских пространств в международном праве относится к наиболее сложным проблемам, касающимся важных экономических, политических, оборонных и других интересов государств, и часто вызывает споры. Польский ученый-международник Я. Симоидес обратил внимание на то, что вопросы делимитации, которые не были решены, могут представлять опасность для добрососедских отношений между государствами и даже вызвать международные конфликты¹. Кроме того, делимитация имеет определенное отношение к глобальным проблемам освоения и использования Мирового океана, которые тесно взаимосвязаны и должны решаться с участием всех государств на основе комплексного подхода. Сущность и значение делимитации морских пространств состоит в том, что с ее помощью устанавливаются границы распространения территориального полномочия (суверенитета) государства и его пространственной (функциональ-

¹ См.: *Дмитриченко І. В.* Принципи морської делімітації у визначенні кордонів України в Чорному та Азовському морях // *Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України* / за ред. В. Н. Денисова. — К. : Юстініан, 2006. — С. 375.

© Л. Тимченко, В. Кононенко, 2013

ной) юрисдикции. Разграничение, т. е. установление морских государственных границ и пределов действия функциональной юрисдикции, создает правовые предпосылки для предотвращения причинения вреда интересам государств. Международное морское право дает возможность государствам самостоятельно устанавливать свои внешние морские границы (как государственные, так и те, которые определяют сферу действия функциональных суверенных прав прибрежных государств) в случае, когда отсутствует перекрытие правовых титулов двух или более государств. В этом случае они определяют морские границы в соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.), где зафиксированы пространственные ограничения ширины определенных морских зон. Одинаковое понимание и применение норм, регулирующих проведение границ на море, сегодня является условием доверия и сотрудничества между государствами. Однако ход кодификационного процесса в этой сфере свидетельствует о большой осторожности государств в принятии общих правил делимитации. Делимитация морских пространств может быть охарактеризована с учетом двух важных моментов. Первый касается установления внешних морских границ, когда разграничение осуществляется на основании собственного акта государства и соответствует нормам международного права. В этом случае делимитация непосредственно не затрагивает интересы какого-либо конкретного государства, но в случае совершения неправомерных действий при разграничении морских пространств могут быть затронуты интересы всего международного сообщества. Второй касается того, что делимитация является разделением определенного морского пространства, которое перекрывается правовыми титулами двух или более государств (речь идет о разграничении морских пространств между соседними государствами — смежными или противолежащими). Такое разграничение морских пространств особенно усложняется, если оно затрагивает существенные интересы прибрежных государств и связано с разделением морских природных ресурсов (газ, нефть и т. д.). Необходимо отметить, что юридические положения относительно установления внешних границ территориального моря, исключительной экономической зоны (далее — ИЭЗ) и континентального шельфа не затрагивают правил делимитации морских границ между государствами с противолежащими или смежными побережьями (такой подход, в частности, установлен в п. 10 ст. 76 Конвенции 1982 г.). При определении морских границ необходимо учитывать следующие особенности: морские границы, в отличие от сухопутных, могут быть как государственными (границы, разграничивающие внутренние морские воды двух или нескольких государств, внешние границы территориального моря прибрежных государств), так и негосударственными (континентальный шельф и ИЭЗ); морские границы устанавливаются как в одностороннем порядке, так и договорном, зависят от географического расположения прибрежных государств по отношению к морю (например, если соседние государства претендуют на один и тот же район моря, то необходимо разграничить этот район в договорном порядке). Поэтому важной частью установления морских границ является разграничение между противолежащими или смежными государствами морских пространств, в рамках которых они осуществляют свой суверенитет или юрисдикцию. В случае делимитации морских пространств между смежными или противолежащими

прибрежными государствами говорится о делении определенных морских районов, которое осуществляется на основании договора. Как показывает практика государств, этот договорный процесс осуществляется с большим трудом¹.

К принципам морской делимитации доктрина международного права, практика Международного суда ООН (далее — Суд, Суд ООН) и международных арбитражей относит: принцип учета особых обстоятельств (в частности таких, как протяженность побережья каждого государства, специфические контуры береговой линии, наличие и расположение островов, исторические правовые основания, демографические соображения и другое); принцип эквидистанции (если это справедливо) может применяться для установления линии границы, каждая точка которой является равноудаленной от тех исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря каждой страны; принцип пропорциональности, который может быть отображен, в частности, в формуле соотношения между районами континентального шельфа и длиной соответствующих береговых линий государств; принцип, устанавливающий право островов государства на территориальное море, прилежащую зону, континентальный шельф и исключительную экономическую зону (ст. 121 Конвенции 1982 г.). Учет указанных принципов в делимитационном процессе имеет целью обеспечить справедливый результат для всех заинтересованных сторон, и в доктрине международного права утверждается тенденция называть их справедливыми принципами. Однако для морской делимитации концепция справедливых принципов может применяться без учета обстоятельств, вытекающих из конкретной ситуации. Анализ делимитационных дел, которые разрешались с помощью международной судебной или арбитражной процедуры, свидетельствует, что практика Международного суда ООН и международных арбитражей относительно формулировки основополагающей нормы общего международного права о разграничении морских пространств между соседними прибрежными государствами однообразна. Такая норма обязывает осуществлять делимитацию путем соглашения в соответствии со справедливыми принципами, учитывая все уместные (релевантные) обстоятельства с целью достижения справедливого результата.

Впервые эта обычно-правовая норма международного права была применена в решении Международного суда ООН от 20 февраля 1969 г. о делимитации континентального шельфа Северного моря между ФРГ и Данией и ФРГ и Нидерландами. В решении отмечалось, что главное место среди правил делимитации занимают принципы, которые происходят из Прокламации Трумэна (28 сентября 1945 г.), а именно: «Делимитация должна осуществляться путем заключения соглашения между заинтересованными государствами; и заключение такого соглашения достигается согласно справедливым принципам»². Суд показал свое видение роли переговоров между государствами, акцентируя внимание на том, что «Стороны обязаны вступить в переговоры с намерением достичь согласия, а не только пройт-

¹ См.: *Дмитриченко І. В.* Принципи морської делімітації у визначенні кордонів України в Чорному та Азовському морях // *Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України* / за ред. В. Н. Денисова. — К.: Юстініан, 2006. — С. 377.

² Вся информация о практике Суда ООН можно найти на официальном сайте Суда ООН [Электронный ресурс] // Сайт «www.un.org». — Режим доступа : <http://www.un.org/russian/icj/index.htm>

ти через формальный процесс переговоров как разновидность предварительных условий для автоматического применения, при отсутствии соглашения, определенного метода разграничения; поэтому они должны вести себя так, чтобы переговоры были значимыми, а не такими, где одна из сторон настаивала бы на собственной позиции без учета возможности ее изменения». В свою очередь, обязательство применять справедливые принципы включает учет всех обстоятельств конкретного дела, и с этой целью использовать подходящий метод или методы делимитации. Суд указал также на факторы, которые стороны должны учитывать в процессе переговоров, а именно: общую конфигурацию побережья сторон и наличие особых или необычных черт, физическую и геологическую структуру, природные ресурсы данных районов континентального шельфа, поскольку это является известным и легко может быть установлено.

Существенно повлияло на развитие принципов и норм морской делимитации решение по делу Северного моря. Большое значение имеет заключение Международного суда ООН о том, что разграничение континентального шельфа между соседними прибрежными государствами должно осуществляться путем заключения соглашения в соответствии со справедливыми принципами и с учетом всех обстоятельств, имеющих отношение к делу (релевантные обстоятельства). Это является свидетельством важности принципа соглашения в делимитационном процессе, поскольку из проведения переговоров, результатом которых является соглашение, заинтересованные государства используют наиболее подходящие принципы и методы разграничения, учитывая релевантные обстоятельства, которые могут повлиять на прохождение разграничительной линии. Принцип соглашения дает участникам переговорного процесса необходимую свободу в поиске технических методов делимитации. Появление в решении Суда понятия «справедливые принципы» поставило целью выяснить специфические особенности справедливых принципов и решить вопрос об их практическом применении в конкретных случаях установления морских границ между прибрежными государствами. Следует также обратить внимание, что наряду со справедливыми принципами Суд ООН использует принцип справедливости. И разница между этими двумя категориями весьма существенная. Так, первые являются конкретно определенными (к справедливым принципам в решении Палаты от 12 октября 1984 г., созданной Международным судом ООН для установления единой морской границы в заливе Мэн, Канада/США, были отнесены следующие: формула, по которой земля определяет море; равное распределение зон «перекрытия» при отсутствии особых обстоятельств; требование невторжения морских проекций побережья одного государства, насколько это возможно, в районы наиболее близкие к побережью другого государства; предотвращение любых «эффектов отсечки» морских проекций берегов заинтересованных государств или их частей).

Суд подтвердил особое значение географических факторов при применении делимитационных правил, в частности учета соответствующей береговой конфигурации сторон¹.

¹ См.: *Timchenko L. Quo Vadis, Arcticum? The International Law Regime of the Arctic and Trends in its Development.* — Kharkiv : Osnova, 1996. — P. 128–130.

Такой подход свидетельствует о наличии определенной тенденции в доктрине международного права к выработке общих правил установления единых морских границ для разграничения морских пространств с разными правовыми режимами. Примером такого подхода является решение Международного арбитража от 14 февраля 1985 г. по делимитации морских пространств между Гвинеей и Гвинеей-Бисау, в котором определено прохождение единой морской границы между территориальным морем и континентальным шельфом этих государств, а также решение Международного арбитража от 10 июня 1992 г. в деле разграничения морских зон между Канадой и Францией в районе Атлантического океана южнее канадского острова Ньюфаундленд и французских островов Сен-Пьер и Микелон.

Анализ судебных и арбитражных решений свидетельствует, что определенную роль в установлении справедливой делимитации играет также принцип пропорциональности. Идея пропорциональности используется для коррекции границ, проведенных в соответствии с принципом равноудаленности, если площади континентальных шельфов заинтересованных государств соотносятся в иной пропорции, чем длина их береговых линий. Итак, можно констатировать, что в условиях отсутствия в Конвенции 1982 г. четко определенных правил делимитации континентального шельфа и исключительных экономических зон (ст. 74 и 83) решения Международного суда ООН и международных арбитражей по разграничению морских пространств между противлежащими или смежными государствами стимулируют дальнейшее развитие норм морской делимитации, что существенно влияет на осуществление межгосударственной практики¹.

Но применение принципа пропорциональности в сочетании с принципом справедливости в интерпретации Международного суда ООН может привести к не совсем понятным результатам, которые, к сожалению, становятся прецедентами. Так, Суд ООН в решении по делу о континентальном шельфе (Ливийская Арабская Джамахирия/Мальта) от 3 июня 1985 г. указал, что он «считает справедливым при проведении медианной линии между Мальтой и Ливией не учитывать необитаемый остров Фильфола, поскольку в противном случае это может привести к нежелательному нарушению пропорциональности в расположении этой линии». В дальнейшем такая позиция Суда ООН, согласно которой необитаемый остров не принимается во внимание, получит такое развитие, что не будет учитываться и населенный остров (подразумевается остров Змеиный), что уже серьезно затронет интересы Украины. Но об этом ниже.

С учетом того, что вопрос делимитации границ Украины сейчас является более чем актуальным, государством принимаются соответствующие меры для его решения. Так, в 1995 г. был принят Закон «Об исключительной (морской) экономической зоне Украины»², детализирующий положения Конвенции 1982 г. и соответствующий ей. В частности, в ст. 2 указанного Закона закрепляется опре-

¹ *Дмитриченко І. В.* Принципи морської делімітації у визначенні кордонів України в Чорному та Азовському морях // *Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України* / за ред. В. Н. Денисова. — К.: Юстініан, 2006. — С. 380–387.

² См.: *Відомості Верховної Ради України.* — 1995. — № 21. — Ст. 152.

деление ИЭЗ Украины как морских районов, внешне прилегающих к территориальному морю Украины, ширина которых составляет до 200 морских миль, отсчитанных от тех же исходных линий, что и территориальное море Украины. Статья 2 Закона предусматривает, что морские районы вокруг островов, которые принадлежат Украине, также составляют исключительную (морскую) экономическую зону. Делимитация исключительной (морской) экономической зоны проводится с учетом законодательства Украины путем заключения соглашений с государствами, побережья которых противоположны или смежны ее побережью, на основании признанных в международном праве принципов и критериев в целях достижения справедливого решения этого вопроса (ст. 3). В основу данной статьи положено основное содержание п. 1 ст. 74 Конвенции 1982 г. («Делимитация исключительной экономической зоны между государствами с противоположными или смежными побережьями»), который является результатом длительных переговоров и согласования позиций государств на Третьей конференции по морскому праву.

Статья 5 Закона «О государственной границе Украины» от 4 ноября 1991 г. устанавливает, что к территориальному морю Украины относятся прибрежные морские воды шириной 12 морских миль, отсчитываемых от линии наибольшего отлива как на материке, так и на островах, принадлежащих Украине, или от прямых исходных линий, соединяющих соответствующие точки. Географические координаты этих точек утверждаются в порядке, который устанавливается Кабинетом Министров Украины. В отдельных случаях другая ширина территориального моря Украины может устанавливаться международными договорами Украины, а при отсутствии договоров — в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права¹.

Закрепление в вышеупомянутых законах правовых оснований осуществления делимитации морских пространств Украины, а именно принципов и критериев, являющихся общепризнанными в международном праве, свидетельствует о том, что международно-правовая позиция Украины при разграничении должна учитывать не только положения и правила, содержащиеся в международных договорах и конвенциях, но и обычные нормы международного права. Для Черного моря это важно также и в практическом плане, поскольку в соответствующие международные конвенции вошли основополагающие принципы правового режима морских пространств, в том числе принципы их делимитации, но участие в них принимают не все причерноморские государства (например, Румыния, имеющая территориальные претензии к Украине, не является участником Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г.).

Географическое положение побережья Украины в Черном море обуславливает важность установления общих государственных морских границ (делимитации территориального моря) между Украиной и Россией и Украиной и Румынией. В связи с этим также необходимо разграничить континентальный шельф и исключительную экономическую зону Украины с соответствующими морскими районами России и Румынии, делимитация которых представляет собой не ме-

¹ См.: Відомості Верховної Ради України. — 1992. — № 2. — Ст. 5.

нее сложную правовую проблему, чем делимитация морских государственных границ. Украина является правопреемницей бывшего СССР по соглашению об установлении морских границ между СССР и Турцией, а именно: Соглашению между Правительством СССР и Правительством Турецкой Республики о разграничении континентального шельфа между СССР и Турцией в Черном море от 23 июля 1978 г., а также договоренности 1987 г. между СССР и Турцией о делимитации их исключительных экономических зон в Черном море. В 1987 г. СССР и Турция путем обмена нотами договорились, что морская граница континентального шельфа, установленная Соглашением от 23 июля 1978 г., соответствует делимитации их исключительных экономических зон. Исходя из этого, существуют правовые основания для того, чтобы считать определенную часть делимитационной линии, установленной в соответствии с Соглашением от 23 июля 1978 г., морской границей, которая разграничивала континентальный шельф и исключительную (морскую) экономическую зону Украины с соответствующими морскими просторами Турции. Поэтому в 1994 г. путем обмена нотами между Украиной и Турцией было оформлено правопреемство Украины по границе континентального шельфа и ИЭЗ. Утверждение о том, что вопрос делимитации морских границ между соседними государствами является крайне сложным, можно проиллюстрировать позициями государств относительно разграничения спорных морских районов. Так, между Украиной и Румынией долгое время была нерешенной проблема делимитации морских пространств в западной части Черного моря. Истоки этой проблемы берут начало с 60-х годов XX в., когда впервые начались переговоры между СССР и Румынией относительно делимитации континентального шельфа между двумя государствами. Важная роль в этих переговорах отводилась вопросу об острове Змеиный, который находился под суверенитетом СССР. Главным предметом обсуждения на переговорах было значение, которое придавалось этому острову в установлении делимитационной линии. Начальная позиция СССР заключалась в том, что остров Змеиный должен влиять на установление эквидистанционной линии границы. Но позже в ходе переговоров СССР указал, что с целью достижения компромиссного решения возможно изменение позиции Советского Союза, а именно — остров Змеиный будет частично влиять на установление эквидистанционной делимитационной линии. Румыния, в свою очередь, не изменила свою позицию, которая заключалась в том, что остров Змеиный не должен иметь указанное влияние. Румыния считала, что остров Змеиный является скалой и отстаивала позицию, которая основывалась на положениях п. 3 ст. 121 Конвенции 1982 г., в котором указано, что «скалы, не пригодные для поддержания жизни человека или для самостоятельной хозяйственной деятельности, не имеют ни исключительной экономической зоны, ни континентального шельфа»¹. Основным аргументом является отсутствие ресурсов воды на острове и невозможность жизнедеятельности на нем без морского сообщения с континентом.

¹ См.: *Дмитриченко І. В.* Принципи морської делімітації у визначенні кордонів України в Чорному та Азовському морях // *Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України* / за ред. В. Н. Денисова. — К.: Юстініан, 2006. — С. 386–387.

Такую же позицию румынская сторона отстаивала на переговорах с Украиной по разграничению континентального шельфа и исключительных экономических зон обоих государств в Черном море (в течение 1998–2004 гг. состоялось 24 раунда переговоров). Ход переговорного процесса по данной проблеме показал, что стороны не смогли прийти к согласию относительно влияния острова Змеиный на прохождение делимитационной линии. Анализ геологического строения острова Змеиный и его морфологическая структура доказывают, что остров Змеиный является неотъемлемой частью большого тектонического блока Восточноевропейской платформы, приотпленная часть которой формирует шельф в северо-западной части Черного моря, о чем свидетельствуют материалы, представленные специалистами Госкомгеологии Украины. Согласно положениям п. 3 ст. 121 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. возник вопрос о пригодности острова для поддержания жизни человека и для самостоятельной хозяйственной деятельности. В этом плане следует отметить, что некоторые элементы геологической характеристики острова Змеиный (наличие 10-метрового покрова четвертичных отложений, содержащих почвенный слой, который обеспечивает развитие животного и растительного мира, а также наличие огромной, до 1 км, толщи осадочных отложений палеозоя, что предполагает наличие собственных запасов воды и других полезных ископаемых), дали основания утверждать, что остров Змеиный пригоден для поддержания жизни человека и для самостоятельной хозяйственной деятельности¹.

В настоящее время на территории острова Змеиный площадью 1,5 кв. км проживает около 80 человек — работники маяка, который действует еще с XIX в., гидрографы, ихтиологи, геофизики, другие ученые, пограничники, члены их семей, персонал по обслуживанию маяка. Верховная Рада Украины в феврале 2007 г. приняла Постановление о присвоении населенному пункту, который находится на острове Змеиный, названия поселок Белый. Вопрос территории возле острова Змеиный стал наиболее актуальным для румынской стороны в 2001 г., когда плавучая буровая установка «Черноморнефтегаза» обнаружила в 40 км к югу от острова значительные залежи углеводородов и 16 сентября 2004 г. Румыния передала на рассмотрение Международного суда ООН вопрос о делимитации континентального шельфа и исключительных экономических зон между двумя государствами. Здесь возникает первый важный вопрос — почему и зачем указанное дело оказалось на рассмотрении в Международном суде ООН. Формальные основания понятны: как видно из п. 4 (h) письма Министра иностранных дел Украины Г. Удовенко от 2 июня 1997 г. «Его Превосходительству Господину Адриану Северину Министру иностранных дел Румынии», письмо является приложением к Договору об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией от 2 июня 1997 г., «если эти переговоры не завершатся заключением вышеупомянутого Соглашения в разумный срок, но не более чем 2 года от их начала, Правительство Украины и Правительство Румынии договорились, что дело о делимитации континентального шельфа и исключительных экономических зон будет решено Международным судом ООН

¹ Бистрова А. Р. До питання про міжнародно-правове розмежування морських просторів у районі острова Зміїний // Зовнішня торгівля: право і економіка. — 2007. — № 2 (31). — С. 77.

по просьбе одной из Договаривающихся Сторон, при условии вступления в силу Договора о режиме государственной границы между Украиной и Румынией. При этом Международный суд ООН сможет рассмотреть просьбы о делимитации континентального шельфа и исключительных экономических зон до вступления в силу Договора о режиме государственной границы, если установит, что задержка с вступлением в силу произошла по вине другой Стороны... В случае, если Вы будете согласны с вышеуказанным, предлагаю Вам это письмо вместе с Вашим письмом-ответом идентичного содержания считать Соглашением между Правительством Украины и Правительством Румынии»¹.

Но зачем на самом деле наше государство поставили перед необходимостью судебного разбирательства и еще таким образом, чтобы в дальнейшем не иметь возможности защититься от такой перспективы хотя бы путем отложения судебного производства до лучших времен? Возможно, Г. Удовенко имел абсолютную уверенность в победе в Суде ООН. Тогда не понятно, на чем такая уверенность основана, потому что если гарантий победы в Суде ООН не было (а как они могли быть в такой неоднозначной ситуации — непонятно), указанные действия соответствующие должностные лица совершили с целью нанесения ущерба территориальной целостности и экономической безопасности государства. 3 февраля 2009 г. Суд ООН принял решение по делу «Румыния против Украины», согласно которому остров Змеиный не может считаться частью прибрежной линии Украины при определении срединной линии при делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны (см. рис. 1).

Рис. 1. Румынский и украинский варианты делимитации²

¹ Договір про відносини добросусідства і співробітництва між Україною та Румунією від 2 червня 1997 р. [Электронный ресурс] // Сайт «zakon.rada.gov.ua». — Режим доступа : http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=642_003&fpage=1&text=%F1%F3%E4&x=12&y=8

² [Электронный ресурс] // Сайт «NEWSru.ua». — Режим доступа : <http://rus.newsru.ua/ukraine/03feb2009/ostriv.html>

В состав Суда вошли: Председатель Р. Хиггинс; вице-председатель А. Аль-Хасауна; судьи Р. Рандзева, Ц. Ши, А. Г. Корома, Т. Бюргенталь, Х. Овада, П. Томка, Р. Абраам, К. Кит, Б. Сепульведа-Амор, М. Беннуна, Л. Скотников; временные судьи Ж. П. Кот, Б. Осман; Секретарь Суда Ф. Куврер.

Мотивацию решения по существу Суд начал с определения о том, что с правовой точки зрения релевантные побережья могут играть двойную роль в делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны. Во-первых, необходимо определить релевантные побережья для того, чтобы обозначить, в чем заключается сущность противоречивых претензий на эти зоны. Во-вторых, релевантные побережья необходимо установить для того, чтобы на последней стадии процесса делимитации проверить, существует ли диспропорция в соотношении между длиной прибрежных зон каждого государства и морских зон, которые выходят за пределы делимитационной линии каждой из Сторон.

Суд отметил, что согласно договору между Сторонами все румынское побережье — это побережье, релевантное для делимитации. В результате — длина релевантного побережья Румынии достигает примерно 248 км. Длина же указанного украинского побережья составляет около 705 км. Далее Суд отметил, что его задача, прежде всего, заключается в идентификации соответствующих точек, которые изменяют прибрежную зону таким образом, что геометрическая фигура, которую формируют линии соединения всех этих точек, отображает общую область побережья (п. 127). Детально изучив характеристики каждой точки, которую Стороны считают целесообразной для проведения приблизительной равноудаленной линии, Суд решил использовать полуостров Сакалин и прибрежный конец дамбы Сулина на румынском побережье (п. 141) и остров Цыганка, мыс Тарханкут и мыс Херсонес на украинском побережье (п. 148). Суд посчитал неприемлемым использовать точку на острове Змеиный (п. 149).

Суд принял во внимание, что, согласно принципам его юрисдикции, он может в некоторых случаях не учитывать очень малые острова или не предоставлять им полноценных прав в морских зонах, если такой подход несоразмерен воздействию на линию делимитации, о которой идет речь (п. 185). Здесь мы видим, что конкуренция между договорными нормами Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и прецедентными нормами Суда ООН категорически была решена в пользу последних. И, хотя мы положительно оцениваем прецедентный характер практики Международного суда ООН, на наш взгляд, прецедент не может иметь преимущество над международным договором, являющимся результатом согласования позиций государств — основных субъектов международного права, и результат такого согласования позиций, сформулированный в нормах Конвенции 1982 г. и Суда ООН, при всем нашем уважении к нему, не может отменять нормы указанного международного договора и обосновывать это «принципами его юрисдикции».

Суд отметил, что все территории, которые подлежат делимитации, расположены в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе материковых побережий Сторон и, кроме того, находятся на расстоянии 200 морских миль от материкового побережья Украины, а остров Змеиный расположен

на расстоянии примерно 20 морских миль восточнее материкового побережья Украины в зоне дельты Дуная. Учитывая такую географическую конфигурацию и в контексте делимитации с Румынией, любые права на континентальный шельф и исключительную экономическую зону, вероятно созданную островом Змеиный, не могут распространяться далее прав, предоставленных наличием материкового побережья Украины, учитывая южную границу делимитации, как определено Судом. Любые возможные права или юридические титулы, которые возникают ввиду наличия острова Змеиный в восточном направлении, полностью охватываются правами, возникающими в связи с наличием западного и восточного материковых побережий самой Украины. Суд также отметил, что Украина, даже несмотря на то, что она считает, что остров Змеиный подпадает под п. 2 ст. 121 Конвенции ООН по морскому праву, не расширяла соответствующую территорию за пределы линии материкового побережья вследствие наличия острова Змеиный в зоне делимитации. В свете этих факторов, Суд пришел к выводу, что наличие острова Змеиный не является аргументом для корректировки временной равноудаленной линии (п. 187).

Суд напомнил, что территориальные воды длиной 12 морских миль были приписаны острову Змеиный согласно договоренностям между Сторонами. Таким образом, по мнению Суда, остров не должен в данном случае влиять на делимитацию иным образом, кроме как для формирования зоны длиной 12 морских миль в территориальных водах. Помимо наличия острова Змеиный в зоне делимитации Суд рассмотрел пять других факторов: возможное неправильное соотношение длины побережий (пункты 158–168), замкнутый характер Черного моря и делимитации, которые ранее проводились в регионе (пункты 169–178), поведение сторон (концессия на добычу нефти и газа, рыболовство и морские патрули) (пункты 189–198), препятствование получению результата (пункты 199–201) и определенные соображения сторон по поводу безопасности (пункты 202–204), однако не учел их. Определенная Судом линия делимитации, для которой ни дамба Сулина, ни остров Змеиный не были приняты в качестве базисных точек, начинается в точке 1 и проходит в зоне длиной 12 морских миль вокруг острова Змеиный до пересечения с линией, равноудаленной от смежных побережий Румынии и Украины; отсюда линия определяется точками на противоположных берегах Румынии и Украины. По этой поворотной точке линия делимитации проходит вдоль линии, равноудаленной от противоположащих побережий Румынии и Украины (п. 206). Суд считает, что линия делимитации совпадает с равноудаленной линией до точки, за которой могут быть нарушены интересы третьих государств (п. 209). В конце Суд проверил, не вызывает ли определенная им линия делимитации серьезной непропорциональности в длине соответствующих прибрежных зон и пропорциональном распределении прилегающих территорий. Отметив, что соотношение длины соответствующих прибрежных зон для Румынии и Украины, согласно подсчетам Суда, составляет примерно 1:2,8, а соотношение соответствующей территории между Румынией и Украиной составляет примерно 1:2,1, Суд не признал, что намеченная линия требует каких-либо изменений (п. 216).

Согласно решению Суда ООН под юрисдикцию Бухареста перешло 79,34 % спорных территорий в Черном море. По оценкам румынских экспертов, там

находится около 12 миллионов тонн нефти и 70 миллиардов кубометров газа. В частности, по решению Суда в распоряжение Румынии перешло 90 % перспективного нефтегазоносного месторождения на геологической структуре «Олимпийская» (которая размещена на расстоянии 40 км южнее острова Змеиный)¹. «Учет острова Змеиный означал бы юридический пересмотр географии», — заявила Розалин Хиггинс, Председатель Международного суда ООН, зачитывая решение и, видимо, понимая его неоднозначность.

Рис. 2. Делимитация согласно решению Международного суда ООН²

Как видим, правовая позиция Украины в этом деле, главной задачей предусматривающая признание за Змеиным статуса острова (что автоматически в соответствии с п. 2 ст. 121 и ст. 76 Конвенции предусматривает предоставление континентального шельфа), оказалась несовершенной: сосредоточившись исключительно на нормах позитивного права — соответствующих статьях Конвенции 1982 г., специалисты обошли вниманием практику Международного суда ООН, которая, соответственно, и не была учтена. А зря, потому что действия государства, которые были направлены только на решение проблемы признания за Змеиным статуса острова (заселение, хозяйственная деятельность, выполнение геофизических работ), могли бы охватить более широкий круг вопросов и эффективно повлиять на позитивное решение спора. А именно: как следует из анализа решений Суда ООН, во время доказывания законности притязаний Сторон важное значение

¹ *Таріна О.* Процес «Румунія проти України»: справа про розмежування морських просторів між Україною та Румунією в Чорному морі // Юридичний авангард. — 2009. — № 1. — С. 224.

² [Электронный ресурс] // Сайт «NEWSru.ua». — Режим доступа : <http://rus.newsru.ua/ukraine/03feb2009/ostriv.html>

имеет наличие международного обычая, подтверждающего основания для таких притязаний. Как известно, ст. 38 Статута Международного суда ООН, который, решая споры в соответствии с п. 1 (b) ст. 38 Статута, наряду с другими источниками международного права применяет «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы».

Владимир Буткевич отмечает, что на наличие сформированного международного обычая, как правило, указывают три главных фактора: а) международная практика (прецеденты); б) *opinio juris sive necessatis* — признание этой практики (прецедентов) юридической нормой; в) фактор времени (длительность применения)¹.

В понятие «практика» Л. Шаммасова включает как фактические действия государств, так и другие акты, в том числе их официальные заявления; практика может осуществляться как в форме действий, так и в форме воздержания от них, относя это в полной мере только к практике в узком смысле слова. Практика в широком смысле, на основании которой констатируется наличие *opinio juris* (признание правила как нормы права), должна в любом случае включать, кроме воздержания от действий, и некоторые позитивные действия. В практику следует включать не только действия и заявления государств на международной арене, но и внутригосударственную деятельность их органов, в том числе законодательных и судебных².

К сожалению, национальные правоприменители не уделяют должного внимания практике Суда ООН и имеют для этого основания: согласно п. «d» ст. 38 Статута Международного суда ООН решения этого судебного органа могут использоваться только как вспомогательное средство для определения правовых норм. Но уже наблюдается тенденция к признанию за его решениями прецедентного характера. Как указал Г. Лаутерпахт (а со временем подтвердил судья М. Шахабуддин в своем особом мнении по делу «*Aerial Incident 3 July 1988, Iran v. USA*»): «Суд не связан доктриной обязательного прецедента, но он уважает свое понимание права»³. Далее Г. Лаутерпахт отмечает, что современное международное право — это и есть решения Суда ООН, и подчеркивает, что они не обязательны как для государств, так и для Суда. Но никакое письменное постановление не может помешать этим решениям авторитетно заявлять, что есть международное право, и никакое письменное правило не может помешать Суду рассматривать их как таковое⁴.

Сам Суд сначала категорически возражал против прецедентной природы своих актов: так, 26 мая 1961 г. в решении по делу о храме Преах Вихеар (Камбоджа

¹ Буткевич В. Г., Мицк В. В., Задорожний О. В. Міжнародне право. Основи теорії : підручник. — К. : Либідь, 2002. — С. 121.

² Шаммасова Л. Р. Международно-правовой обычай в современном международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Казан. гос. ун-в. им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2006. — С. 18.

³ Цит. по: Водяніков О. Наднаціональність в праві Європейського Союзу: Goetterdämmerung Європи, чи переосмислення права? [Електронний ресурс] // Сайт «www.eclc.gov.ua». — Режим доступа : http://www.eclc.gov.ua/new/html/ukr/6/article_ecj_vodyannikov.html

⁴ См: Самхарадзе Д. Г. Источники современного международного права // Международное публичное и частное право. — 2006. — № 5 (32). — С. 13.

против Таиланда) он заявил: «Суд не считает, что его решение от 1959 г.¹ имеет те последствия, о которых заявляет Таиланд. Данное решение не имеет обязательной силы ни для кого, кроме Сторон, участвующих в деле». Однако, когда в качестве обоснования своего заявления по делу о сухопутной и морской границе между Камеруном и Нигерией (Камерун против Нигерии) первый сослался на ранее рассмотренное дело о праве прохода через территорию Индии (Португалия против Индии), заявив, что нет оснований не следовать этому прецеденту, не рискуя подорвать систему обязательной юрисдикции, предусмотренную факультативной клаузулой, Нигерия ответила, что данное решение было вынесено в отсутствие прецедентов, что оно устарело, является единичным и согласно ст. 59 Статута указанное решение обязательно *res judicata* только для сторон и только относительно данного дела. Международный суд ООН в решении от 11 июня 1998 г., напомнив, что его решение по делу «Право прохода через индийскую территорию» было подтверждено в последующих делах, отметил, что «действительно, как утверждает Нигерия, решения Суда согласно ст. 59 Статута обязательны лишь для сторон, участвующих в деле, и только по данному делу. Нет вопроса о том, чтобы связывать Нигерию решениями, вынесенными Судом в предыдущих делах. Настоящий вопрос заключается в том, есть ли основания не придерживаться в данном деле обоснований и выводов предыдущих дел, фактически настояв на обязательности своих предыдущих решений. О прецедентности практики Международного суда ООН говорит судья В. Верещетин в особом мнении относительно постановления по делу о правомерности применения силы (Югославия против Бельгии) от 2 июня 1999 г.: «Отказ должным образом учесть намерение государства, делающего заявление о признании юрисдикции Суда, несовместим также с прецедентным правом Суда...»; а судья М. Креча в особом мнении к тому же постановлению Суда ООН говорит о его последовательной судебной практике, которая, в принципе, является синонимом практики прецедентной.

Часто государства, передавая спор на рассмотрение Международного суда ООН, особенно в делах о делимитации, просят установить наличие обычно-правовой нормы международного права, действующей для спорящих сторон, поскольку одна из них считает, что такой нормы нет, а другая — заявляет о ее нарушении противоположной стороной.

Международный суд ООН при рассмотрении споров между государствами не просто определял существование обычно-правовой нормы, но и формулировал ее. Ярким примером из практики Международного суда ООН по данному вопросу является англо-норвежское дело о рыболовстве, инициированное Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии против Норвегии 28 сентября 1949 г. Прибрежная зона Норвегии, рассматриваемая в споре, имеет характерную конфигурацию. Ее длина по прямой превышает 1 500 км.

Все побережье является горной местностью, чрезвычайно сильно изрезано фьордами и бухтами, к нему примыкает бесчисленное количество островов, ост-

¹ Речь идет о деле об инциденте в воздушном пространстве, случившемся 27 июля 1955 г., когда болгарскими силами противовоздушной обороны был сбит самолет компании «*El Al Israel Airlines Ltd*» (Израиль против Болгарии).

ровков и рифов (некоторые из которых образуют непрерывный архипелаг, известный под названием *skjaergaard* — «скальный бастион»), который не может служить четкой разделительной линией между сушей и морем. Вследствие своей конфигурации суша выступает далеко в море, и норвежской береговой линией фактически является внешняя линия, охватывающая все элементы суши, которые рассматриваются как единое целое. Вдоль прибрежной зоны расположены мели, исключительно богатые рыбой. С незапамятных времен они эксплуатировались жителями этой территории и островов: рыболовство для них является основным источником существования. В прошлые века британские моряки вторгались в воды, омывающие норвежское побережье. В результате протестов короля Норвегии, начиная с XVII в., в течение трехсот лет они воздерживались от таких действий. Однако в 1906 г. британские суда появились снова. Это были траулеры, имеющие усовершенствованное и мощное оснащение. Данное обстоятельство вызвало тревогу у местного населения, и Норвегия приняла меры с целью определения границ, в пределах которых рыболовство было запрещено для иностранцев. Инциденты происходили все чаще, и 12 июля 1935 г. Правительство Норвегии приняло указ, устанавливающий пределы зоны рыболовства Норвегии. Оба правительства вступили в переговоры, продолжавшиеся после принятия указа, но безуспешно. В 1948 г. и 1949 г. значительное количество английских траулеров были арестованы и конфискованы. В результате этого правительство Соединенного Королевства возбудило дело в Суде ООН. Ширина норвежского территориального моря под сомнение не ставилась: четырехмильная зона, на которую претендовала Норвегия, была признана Великобританией. Однако вопрос заключался в том, соответствовали ли линии, определенные указом 1935 г., международному праву. От этих линий, называемых «базисными» или «исходными», исчисляется ширина территориального моря. Соединенное Королевство утверждало, что они не были проведены в соответствии с международным правом. Суд, рассмотрев доводы Соединенного Королевства, пришел к выводу, что определение границ в 1935 г. не противоречит международному праву. В решении указывалось, что норвежский указ 1812 г., а также ряд последующих документов (указы, доклады, дипломатическая корреспонденция) показывают, что метод прямых исходных линий, определяемый географическими обстоятельствами, утвердился в норвежской системе и подтверждается непрерывной и достаточно длительной практикой. Применение данной системы не встречает противодействия со стороны других государств. Даже Соединенное Королевство не оспаривало его в течение многих лет: лишь в 1933 г. оно заявило официальный и четко выраженный протест. Однако, традиционно занимаясь решением морских вопросов, эта страна не могла не знать о давно установленной норвежской практике, которая была хорошо известна. Поэтому терпимость, проявляемая всем международным сообществом, показывает, что норвежская система не рассматривается как противоречащая международному праву. Таким образом, Международный суд ООН признал наличие обычной нормы относительно использования прямых исходных линий для измерения ширины территориальных вод и специальных зон и сформулировал критерии использования таких линий¹.

¹ См.: *International Court of Justice (ICJ). Reports of judgements, advisory opinions and orders.* — 1951. — P. 141–142.

Как видим, Суд ООН применил норвежские указы 1812 и 1935 гг., официальные документы (указы, доклады, дипломатическая корреспонденция), т. е. различные нормативные акты, так или иначе регулирующие режим спорной территории (содержащие обязательные правила). С целью определения источников международного права все перечисленные документы назовем «нормативным материалом». Этот материал и использовал Суд ООН для того, чтобы вынести решение, которым подтверждалось право Норвегии как стороны спора определять границы зоны рыбного промысла на основании норм указа от 12 июля 1935 г., а, как известно, реализация права одной стороны обеспечивается выполнением обязанностей другой.

Из указанного можно сделать вывод, что с целью формирования международного обычая о праве пользования Украиной континентальным шельфом вокруг острова Змеиный, нужно было более активно и последовательно осуществлять соответствующую практику по исследованию континентального шельфа, разведке на нем полезных ископаемых, их добыче (или хотя бы выполнять действия, которые можно было бы рассматривать как серьезные намерения это делать), другие мероприятия для достижения указанной задачи. Здесь уместно напомнить ту часть решения по делу Румыния/Украина, где Суд отметил, что «...сама Украина, даже несмотря на то, что она считает, что остров Змеиный подпадает под п. 2 ст. 121 Конвенции ООН по морскому праву, не расширяла соответствующую территорию за пределы линии материкового побережья вследствие наличия острова Змеиный в зоне делимитации», то есть своим бездействием не предоставила возможности Суду решить дело в ее пользу. Хотя нужно отдать должное и властям Украины, которые пытались делать определенные шаги в правильном направлении: 8 октября 1997 г. Кабинет Министров Украины принял Постановление № 1114 «Об усовершенствовании развития инфраструктуры и хозяйственной деятельности на острове Змеиный и континентальном шельфе», согласно которому предусматривалось создание на острове Змеиный первой очереди автоматизированного пункта наблюдений за предвестниками землетрясений и компьютерного центра для обработки результатов измерений, выполнение геофизических работ в прилегающей к острову зоне континентального шельфа и подготовка обоснования для установки средств разведочного бурения для поиска нефти и газа¹. 31 мая 2002 г. Кабинет Министров принял Постановление № 713 «Об утверждении Комплексной программы дальнейшего развития инфраструктуры и осуществления хозяйственной деятельности на острове Змеиный и континентальном шельфе».

Целью этой Программы является создание надлежащих условий для проживания людей и осуществления хозяйственной и других видов деятельности на острове. А основными задачами — завершение работы, связанной с документальным оформлением статуса острова как административно-территориального образования, осуществление мероприятий по: проведению демилитаризации на территории острова, усилению охраны государственной границы и исклю-

¹ См.: [Электронный ресурс] // Сайт «zakon1.rada.gov.ua». — Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1114-97-%EF>

чительной (морской) экономической зоны Украины; обеспечению надежной связи и транспортного сообщения с островом; диверсификации хозяйственной и других видов деятельности; обеспечению соблюдения природоохранного режима острова и континентального шельфа¹.

Срок выполнения Комплексной программы дальнейшего развития инфраструктуры и осуществления хозяйственной деятельности на острове Змеиный и континентальном шельфе в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины № 1807 «О продлении срока выполнения Комплексной программы дальнейшего развития инфраструктуры и осуществления хозяйственной деятельности на о. Змеиный и континентальном шельфе» от 27 декабря 2006 г. продлен до 31 декабря 2011 г.²

Но этого оказалось мало, потому что формирование международного обычая предусматривает постоянные последовательные целенаправленные действия и признание другими государствами их правомерности или согласия с ними в форме действий или бездействия, и мы понимаем, что такого согласия со стороны Румынии не стоило ожидать. Но, учитывая стратегические интересы государства, определенные действия (даже несколько рискованные) надо было осуществить, естественно, с оглядкой на правовую позицию, выраженную в решении Международного суда ООН по делу о суверенитете над островами Пулау-Лигитан и Пулау-Сипадан (Индонезия/Малайзия) от 17 декабря 2002 г., согласно которой Суд «не может принимать во внимание действия, совершенные после даты возникновения спора между сторонами, если только эти действия не являются нормальным продолжением предыдущих действий и не осуществляются с целью улучшения правового положения стороны, ссылающейся на такие действия». Следует добавить, что на всякий случай такая возможность защиты интересов государства была предусмотрена в письме Г. Удовенко министру иностранных дел Румынии, которое является приложением к Договору об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией от 2 июня 1997 г. Наверное, именно поэтому в п. 4 (f) указанного Договора говорится, что «к достижению решения о делимитации континентального шельфа Договаривающиеся Стороны будут воздерживаться от эксплуатации минеральных ресурсов зоны делимитации, координаты которой будут определены в начале переговоров на основании вышеупомянутых принципов. При этом Стороны смогут установить, по общему согласию, периметры определенных площадей, расположенных в этой зоне и ресурсы которых будут совместно использоваться»³.

Непонятная активность в вопросе возбуждения дела о делимитации в Международном суде ООН и пассивная позиция и полумеры по осуществлению непосредственной защиты интересов государства привели, как видим, к негативным результатам в Суде. К сожалению, доктрина также пошла ошибочным путем, от-

¹ Офіційний вісник України від 21 червня 2002 р. — 2002. — № 23. — Ст. 1094.

² Офіційний вісник України від 9 січня 2007 р. — 2006. — № 52. — Ст. 3506.

³ *Договір* про відносини добросусідства і співробітництва між Україною та Румунією 2 червня 1997 р. [Електронний ресурс] // Сайт «zakon.rada.gov.ua». — Режим доступа : http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=642_003&page=1&text=%F1%F3%E4&x=12&y=8

мечая, что линия разграничения морских пространств между Украиной и Румынией зависит исключительно от определения статуса острова Змеиный. Одной из главных задач украинской стороны в Международном суде ООН считалось доказать, что Змеиный — это остров, пригодный к жизни человека и его хозяйственной деятельности¹. То есть, определение статуса острова Змеиный — это во-первых. А, во-вторых, если посмотреть на вышеприведенное обоснование решения Суда ООН по делу о континентальном шельфе (Ливийская Арабская Джамахирия/ Мальта) от 3 июня 1985 г. (в котором не был учтен остров Фильфола) под другим углом зрения, можно увидеть, что Суд действительно не учитывает необитаемый остров с целью делимитации, но не по тем основаниям, которые предусмотрены в Конвенции 1982 г., он даже не акцентирует свое внимание на особенностях этого острова относительно пригодности для поддержания жизни человека или для самостоятельной хозяйственной деятельности, а поскольку «в противном случае это может привести к нежелательным нарушениям пропорциональности в расположении равноудаленной (срединной) линии»². И, если бы специалисты, которые защищали интересы Украины, обратили внимание на практику Суда ООН по аналогичным делам, они смогли бы сделать соответствующие выводы, поняли, что не надо делать ставку только на «островном» статусе Змеинового, а применять все возможности, которые предоставляет анализ дел Международного суда ООН.

Итак, несмотря на официальную позицию относительно выигрыша Украины в деле с Румынией, авторы так не считают и согласны с Д. Деньковым и В. Селиком, которые отмечают: «Так или иначе, Украина проиграла в этом споре. И единственный, как будто положительный момент, что Змеиный стал безвозвратно украинским островом, не является позитивом. Ибо Украина действительно потеряла такие ценные ныне запасы углеводородов. Украина проиграла не только на экономическом, но и дипломатическом уровне...»³.

По мнению М. Резникова, Гаагский суд, который должен был решить проблему острова и поставить в ней окончательную точку, вынес довольно спорное решение, которое лишь временно разрядило ситуацию. Дело в том, что месторождения нефти и газа вокруг острова расположены настолько близко друг от друга, что это неизбежно приведет к конфликтным ситуациям⁴.

Таким образом, на экономику нашего государства уже сейчас влияют последствия достаточно спорного решения Международного суда ООН по этому делу. С учетом вышеизложенного, Украине следует занимать более взвешенную позицию, которая бы учитывала все специфические обстоятельства и практику Международного суда ООН в данной категории споров, в частности, в переговорах с Российской Федерацией о делимитации морских пространств в северо-восточной части Черного моря.

¹ Цит. по: *Блова О. І.* Міжнародно-правові аспекти державної морської політики України та юридичні проблеми її реалізації в сучасних умовах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Ін-т законодавства Верховної Ради України. — К., 2008. — С. 12.

² [Электронный ресурс] // Сайт «www.un.org». — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml>

³ Цит. по: *Резніков М. І.* Українсько-румунський конфлікт навколо острова Зміїний. Ретроспективний аналіз // Вісник Київського міжнародного університету. — К. : КиМУ, 2009. — № 9. — С. 241.

⁴ Там же.